

Н. Н. ФИРСОВ

Петр I Великий, Московский царь и император Всероссийский

(личная характеристика)

Личность Петра Великого не так проста, как мы привыкли ее себе представлять.

То, что в этой личности сразу бросалось в глаза, действительно просто -- склонность Петра к физической работе, его практическая сметливость и сноровка, его веселость, кажущаяся прямою и чисто стихийные *порывы* в выражении ласки и гнева, склонность этого человека к простой жизни и к грубым шумным удовольствиям, к близкому общению с простым человеком, -- все это в царе, слишком громко и открыто заявлявшее о себе, весьма упростило образ того, кого называют преобразователем России. И в нашем воображении особенно крепко засело представление о Петре, как о "царе-плотнике", "мастеровом", как о "моряке" с "матросским аппетитом" и проч., к чему как-то больше подходила необычная для царя повадка, и вообще, вся простецкая обстановка жизни этого государя. Разумеется, отмеченное представление имеет свои резоны: черты, которые оно обобщает, стереть нельзя, они вполне соответствуют действительности и должны войти в характеристику личности Петра, но не будет ли характеристика гораздо проще оригинала, если мы остановимся на подборе черт, сразу для всех заметных?

В личности Петра I, как и в личности каждого человека, соединились разнообразные особенности, из коих иные не кричат о себе, а иные хотя и сейчас же заметны, но далеко не сразу подвигаются в своих настоящих причинах, только и способных дать об этих особенностях правильное понятие. Поэтому мы постараемся, не игнорируя наиболее распространенного представления о Петре Великом, выяснить и те черты его личной психологии, которые оставались в тени.

Интересно и поучительно всесторонне понять этого человека, с детства на всех нас производившего сильное впечатление своим гигантским ростом (без двух вершков сажень!), -- своею необыкновенной силой, жестокостью, всей своей гордой и величественной осанкой, повелительным суровым выражением красивого, но немного грубоватого круглого лица, обрамленного откинутыми назад густыми, вьющимися волосами...

Уже с самого своего рождения (в ночь на 30 мая 1672 г.), Петр обещал быть физически выдающимся человеком: новорожденный ребенок оказался великаном -- 11 вершков в длину и 3 вершка в ширину. Он не пошел ни в своего отца, царя Алексея Михайловича, ни в деда по отцовской линии, -- людей, не отличавшихся крепким здоровьем и вообще представлявших иной тип личности.

Как весьма многие замечательные люди, Петр унаследовал внешние и внутренние особенности материнского рода. Это было и хорошо, и плохо. В роде Нарышкиных был большой запас здоровья, много подвижности, энергии и настойчивости: это было, разумеется, хорошо, но необыкновенная живость темперамента нередко переходила в легкомыслие, и не далеко ходить -- сама мать Петра, Наталья Кирилловна, хотя и отличалась, по свидетельству князя Куракина, "добродетельным темпераментом", все-таки была женщина "легкого ума", как аттестовал ее тот же современник в своей известной "Истории о царе Петре Алексеевиче". Эта последняя черта заявляла о плохой стороне наследственности по матери. Дальнейшее покажет, что Петр унаследовал не только положительные, но и отрицательные черты Нарышкиных, и многие печальные особенности его поведения, помимо других причин, должны быть объяснены и несовершенствами его нарышкинской природы. Покойный царь Алексей Михайлович, души не чаявший во второй своей юной супруге, все свои лучшие отеческие чувства перенес на ее сына. Недолго пришлось царю лелеять Петра, оставленного им сиротой по 4-му году; но и в этот небольшой срок отцу удалось много сделать для развития в сыне первых детских вкусов, чему весьма содействовало то обстоятельство, что крепкий ребенок изумительно быстро встал на ноги, начав ходить, когда ему исполнилось полгода. Игрушками и забавами, окружавшими раннее детство Петра, развивались в нем преимущественно военные вкусы, и в этом ничего нет удивительного, не только вследствие естественной склонности мальчиков к играм в солдатики, но и вследствие того, что, после церковности, -- представления о войне и врага одолениях - это тот моральный воздух, которым то нехотя, то с охотой -- смотря по темпераменту -- дышали московские государи первой и второй династии. Если когда-то царь Иван Васильевич, спрошенный Баторием¹ о том, какие подарки он желал бы от него получить -- уже почти старик, поговаривавший иногда о принятии "ангельского чина", признался, что он больше "охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок железных с иаводом, пищалей ручных" -- то было слишком в